

УДК 94 (37)
DOI 10.52452/19931778_2022_3_54

АЕГУРТИАСА ROMANA ИЗ ПОМПЕЙ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ И РЕЛИГИОЗНОМ КОНТЕКСТЕ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

© 2022 г.

М.С. Чисталев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

marcus7@mail.ru

Поступила в редакцию 07.04.2022

Рассматриваются несколько групп объектов *Aegyptiaca Romana*, относящихся к наиболее значимым элементам египетской культуры и до сих пор вызывающих определенные споры в мировой историографии, в частности религиозная *Aegyptiaca* из помпейских домовладений. По мнению автора, при изучении *Aegyptiaca Romana* следует четко придерживаться подхода, сложившегося в последние десятилетия в историографии и подразумевающего отказ от безоговорочной религиозной трактовки египетских и египтизированных артефактов без надлежащего исследования того контекста, в котором этот предмет бытовал. Делается вывод, что характер и степень распространения религиозной *Aegyptiaca Romana* в Помпеях свидетельствует о том, что уже в I в. н.э. на территории Италии активно происходили процессы религиозного синтеза, следствием которых становится появление новых синкретических божеств, включавших в себя атрибуты как римских, так и египетских богов. Популярность египетских религиозных культов среди жителей Италии во многом была вызвана внутренней потребностью в формировании представлений о защите отдельно взятого человека от злых сил, о счастливой загробной жизни и возрождении после смерти. Именно поэтому знакомство римлян с египетскими религиозными традициями, где подобные воззрения были неотъемлемой частью картины мира, определило их дальнейшее распространение на территории Римской державы.

Ключевые слова: Древний Рим, Египет, *Aegyptiaca Romana*, Помпеи.

Египетские сюжеты, мотивы и символика были широко распространены за пределами самого Египта с раннего времени. Причем речь идет не только об объектах, имеющих египетское происхождение, но и о произведенных в других регионах. Одним из первых упоминаний можно считать находки в нубийских погребениях культуры Керма классического (позднего) периода 1750–1500 гг. до н.э. [1, р. 225–234]. Целый ряд египетских предметов, датируемый поздним бронзовым веком, был обнаружен в Микенах, Месопотамии и Анатолии. Традиционно такие находки классифицируются в историографии как *Orientalia*. При этом закономерно, что контекст использования египетской тематики во многом зависел от культурной среды, в которой эти объекты существовали. Соответственно, в зависимости от региона смысловое значение египетских образов могло значительно варьироваться и приобретать черты, несвойственные египетской традиции.

Не стало исключением и греко-римское восприятие древнеегипетской культуры. Греческая интерпретация (*interpretatio Graeca*), являвшаяся по своей сути многогранным феноменом [2, с. 3], зародившимся еще в период первых контактов греков и египтян, стала основополагающей в процессе восприятия и трактовки традиций

древнеегипетской (в первую очередь религиозной) культуры. Римляне, в свою очередь, переняли традицию *interpretatio Graeca*, однако дополнили ее новым смыслом, сформировав такое явление, как *interpretatio Romana*. При этом процесс проникновения египетской культуры на территорию Италии был сопряжен с целым рядом политических событий, которые не могли не оставить свой след на характере отношений римской интеллектуальной элиты к Египту в целом.

Наиболее известной частью *Aegyptiaca Romana* являются Нильские сцены и Нильские пейзажи, которые, судя по сохранившимся образцам (преимущественно из Помпеев), стали уже в I в. н.э. неотъемлемой частью римской настенной живописи и мозаики [3, р. 242–243]. Благодаря своей сохранности, Помпеи представляют собой уникальный археологический комплекс, который в сочетании с эпиграфическими и литературными источниками позволяет восстановить различные стороны жизни древнеримского общества. Именно поэтому находки, сделанные в Помпеях, являются самой обширной группой *Aegyptiaca Romana*, позволяющих на своем примере изучить степень распространения египетских и египтизированных предметов на территории Италии.

Под обозначением «египетский» в нашем исследовании подразумевается предмет, со-

зданный руками человека, происходящий из Египта. Под «египтизированным» предметом подразумевается артефакт, созданный в египетском стиле, ассоциирующийся с Египтом стилистически, тематически или иным способом и отсылающий стороннего наблюдателя к Египту не столько как к государству древнего мира, сколько как к культурному явлению, средоточию многочисленных топосов, получивших свое распространение в римской державе. При этом важно отметить необходимость трезво оценивать границы наших возможностей по реконструкции римского восприятия египетских реалий: единого подхода, общих правил, позволяющих определить контекст использования Aegyptiaca, не существует, и выработать его не представляется возможным. Однако все это скорее ставит под сомнение безусловную религиозную интерпретацию, нежели отвергает современные подходы к трактовке многочисленных предметов, относящихся к Aegyptiaca Romana.

Соответственно, задачей настоящего исследования является изучение различной Aegyptiaca Romana через призму стилистической контекстуализации данных находок в римском культурно-бытовом пространстве на примере Помпей. При этом определяющим фактором будет критический подход к традиционной трактовке сохранившихся памятников. Это позволит сделать акцент на обстоятельствах использования египетских и египтизированных объектов, сопоставить их с оригинальным смысловым содержанием. Если в целом тема домашних богов (в том числе на примере Помпей) неоднократно и обстоятельно рассматривалась в историографии [4–9], то существовавшие в рамках этого контекста различные египтизированные образы, относящиеся к религиозной тематике, как правило, оставались в стороне от научного дискурса.

Большая часть египетских и египтизированных статуэток, относящихся к религиозным культам, была каталогизирована еще В. Тран Там Тинем в его «Очерке о культе Исида в Помпеях» [10]. Всего можно выделить 43 статуэтки, относящиеся к египетским божествам, найденные в частных и общественных заведениях в Помпеях.

Бес и Птах-Патэк

Прежде всего следует выделить единичные находки, связанные со скульптурными изображениями Хора, Анубиса и Сераписа. По количеству их опередили даже статуэтки, которые относятся к изображению существ под общим обозначением «Бес». Религиозные представления египтян основывались на том, что вместе с великими и малыми богами существовали так-

же различные существа, которые могли приносить пользу или, напротив, представляли опасность для человека [11, с. 91]. Многие подобные боги (божки) принимали человеческий облик, причем не всегда в «классическом» для Египта образе. Одним из таких богоподобных существ выступал Бес, чья иконография существенно выделялась на фоне иных египетских богов: он изображался в виде карлика с кривыми ногами, чаще всего с высокой короной, состоящей из листьев пальмы. Выполняя, в первую очередь, защитную функцию [12, р. 276], ограждая людей от опасных животных, защищая детей, особенно при рождении, Бес одновременно являлся и покровителем дома, поэтому неслучайно его изображения встречаются на различных предметах из домашнего обихода, украшениях и амулетах, например на керамической лампе из торговой лавки¹ или на ожерелье из бронзы, стекла и кости из Дома Кузнеца².

М. Малез [13, р. 27] вслед за В. Тран Там Тинем считает, что Бес связан с так называемым *gens isiaque*, однако подобное утверждение в настоящее время уже не выглядит убедительно. С одной стороны, в пользу наличия коннотаций между Бесом и культом Исида свидетельствует его взаимосвязь с египетской богиней Хатхор (в том числе через покровительство музыке и танцам), культ которой уже с эпохи Нового царства был тесно переплетен с культом Исида. Это подтверждает декоративное изображение Беса на ручках трех из одиннадцати найденных в Помпеях сестров [14, р. 322]³. Кроме того, одна из стен сакрария храма Исида была декорирована изображением Беса⁴. Как считает Э. Мурман, образ Беса на фреске, написанный, вероятнее всего, не профессиональным художником, а одним из посвященных в мистерии, возможно даже местным жрецом⁵, должен был усилить ассоциативную связь эллинизированного культа Исида с Египтом [16, р. 152].

С другой стороны, наличие таких параллелей применительно к статуэткам, использовавшимся в домашних культах, не столь очевидно. Ни в одном из домов Помпей статуэтки Беса не были частью алтарной композиции, указывающей на явное почитание культа Исида. Более того, необходимо учитывать, что сакрарий храма Исида, который, на первый взгляд, дает неоспоримый аргумент в пользу наличия устойчивых связей между распространением статуэток Беса и поклонением египетской богине в Помпеях, являлся местом для хранения предметов культа, а значит, само помещение не предназначалось для широкого доступа. Отсюда напрашивается очевидный вывод, что практически никто, кроме жрецов, это помещение не

посещал и не мог видеть фрески. Все это позволяет утверждать, что использование образа Беса в Помпеях едва ли напрямую имело отношение к эллинизированным египетским культам, во всяком случае в I в. н.э. Вероятнее всего, основная причина его популярности была связана именно с его защитными функциями, которые обеспечивали безопасность обитателей дома.

М.А. Коростовцев указывает на тесную взаимосвязь Беса с богом Птахом, в родстве с которым состояли карликообразные божества, обобщенно именуемые Патэками, считавшиеся детьми Птаха [11, с. 91]. Согласно М.А. Коростовцеву, Патэки, наряду с Бесом, изначально были доброжелательно настроены к людям и защищали их от различных опасностей [11, с. 91]. В самом Египте Патэки изображались в виде обнаженных карликов с бритой или лысой головой, руками, вытянутыми вдоль тела. Возраст карликов мог отличаться: от совсем молодого человека – юноши (на что указывает встречающийся локон юности) до взрослого мужчины с морщинистым лбом и даже бородой [17, р. 86].

Сам термин «Патэк» в египетском языке не встречается, и его этимология остается до конца неизвестной [17, р. 84]: впервые он был использован Геродотом в изложении истории «преступных» деяний Камбиза (Hdt. III. 37). В историографии вслед за Геродотом статуэтки египетских карликов, отличающихся от Беса, традиционно называют Патэками или Птах-Патэками [14, р. 94]. Сложно определить, когда именно объекты, связанные с Птах-Патэком, впервые появились в Помпеях, но, вероятнее всего, это произошло еще в I в. до н.э.

Учитывая широкую популярность египетской тематики в Италии в I в. н.э., логичнее всего было бы предположить, что исследуемые статуэтки Беса и Птах-Патэка были произведены где-то на территории Кампании или в Риме, однако, начиная с М. Росси, в историографии сложилось мнение, что они всё же были привезены из Египта [18, р. 319–322]. С ним согласилась и Ф. Трончин [19, р. 33–36], которая указала на то, что на территории древней столицы Египта, в Мемфисе (совр. Мит-Рахина⁶), найдены остатки печей и непригодных глазурированных остатков керамических статуэток такого же типа, что и обнаруженные в Помпеях. Однако до последнего времени все параллели между керамикой из Египта и статуэтками из Помпей основывались лишь на органолептическом сравнении образцов и фактически являлись лишь гипотетическими предположениями. Недавнее исследование, в основу которого был положен химический анализ материала, позволило установить, что большая часть найденных

в Помпеях статуэток Беса и Птах-Патэка сделаны из глины, добытой в непосредственной близости от Мемфиса [20, р. 2860–2868].

Еще за несколько лет до проведения исследований о химическом составе объектов помпейской Aegyptiaca, Э. Ди Джоя отнесла найденные в Помпеях статуэтки Беса и Птах-Патэка к достаточной большой группе статуэток, объединенных на основании материала, из которого они произведены, – керамики, покрытой синей или зеленой глазурью, имитирующей фаянс [21, р. 42]. В эту категорию она также включила скульптурные изображения львов, баранов, игуан, лягушек, крокодилов, фигурки фараонов, сферические вазы и т.д. Подобная систематизация во многом предвосхитила результаты естественно-научного исследования: значительная часть указанных скульптурных изображений оказалась египетского происхождения и имела аналогичный по составу материал, как и статуэтки Беса и Птах-Патэка [20, р. 2866].

Следует отметить, что большая часть статуэток Беса, которая производилась в Мемфисе для внутреннего рынка, не имела покрытия в виде глазури. Что очень важно, подобные неглазурированные статуэтки не встречаются не только в Помпеях, но и в Италии в целом. Вместе с тем выбор Мемфиса в качестве центра, связанного с производством глазурированной керамики, не выглядит случайным. Именно Птах был покровителем Мемфиса, и к югу от его цитадели располагался храмовый комплекс, посвященный этому божеству. Едва ли статуэтки Беса и Птах-Патэка попали в Помпеи случайно, как побочный продукт торговых связей вместе с другими предметами, покрытыми зеленой глазурью. Отсутствие глазури на предметах, созданных для продажи внутри Египта, и однотипное (исключительно синее или зеленое) глазурирование на объектах, поставлявшихся в Помпеи, указывает на то, что итальянские жители вполне определенно представляли себе, каким должен быть товар, доставляемый из Египта. Вероятнее всего, покрытие глазурью было обязательным требованием, которое египтяне выполняли, подстраиваясь под представления римлян. Более того, часть предметов из синей или зеленой керамики из перечня Э. Ди Джоя все-таки были произведены на территории Италии, т.е. являлись копией египетских образцов. В этот список попали и статуэтки Беса и Птах-Патэка, что косвенно подтверждает наличие действительного интереса к этим объектам со стороны римлян. Едва ли незнакомые римлянам статуэтки египетских божеств могли быстро снискать популярность среди населения Помпей исключительно на основании того, что они,

как и многие другие импортированные предметы, были покрыты синей или зеленой глазурью. В этой ситуации напрашивается другой вывод: либо к I в. н.э. римляне уже были знакомы с указанными божествами, либо представления об этих божествах в той или иной степени всё же были частью более популярных эллинизированных египетских культов. Второй вариант нам представляется более подходящим, но с одной существенной оговоркой: почитание Беса и Птах-Патэка к середине I в. н.э. в Помпеях уже не зависело от распространения популярных египетских религиозных верований и основывалось на внутренних предпосылках, связанных с функционалом этих богоподобных существ. К сожалению, нам не известен контекст расположения большинства статуэток Беса и Птах-Патэка, однако даже по тем нескольким образцам, по которым можно с уверенностью сказать, где они находились к 79 г. н.э., нельзя сделать вывод об их взаимосвязи с культом Исиды. Защищая жителей дома от злых сил и выполняя таким образом апотропеическую функцию, эти божества были ментально оторваны от древней египетской религиозной традиции, совершенно незнакомой римлянам. Проникнув на территорию Италии, они очень быстро были интегрированы в римскую культурно-бытовую среду, хотя отчасти и сохранили экзотический образ, связанный с Египтом. Размещая статуэтки в виридарии или саду, владельцы дома также создавали атмосферу восточной экзотики. Причем, на наш взгляд, в этом случае экзотизм указанных объектов не делает их чуждыми римскому обществу, напротив, он дополняет апотропеический контекст, позволяя раскрыть суплементарное значение статуэток.

Кроме того, вышеуказанные результаты химических исследований позволяют нам предположить, что не только иконография Беса или Птах-Патэка устойчиво связывала помпейские статуэтки с египетской культурой, но и сам материал (керамика, покрытая синей или зеленой глазурью) также являлся одной из концептуальных основ восприятия данных объектов как связанных с Египтом. Именно синий и зеленый цвета были преобладающими в палитре Нильских сцен. В этом случае закономерным выглядит и то, что часть скульптурных изображений, сгруппированных Э. Ди Джоя, покрытых такой глазурью, представляла собой различных животных, включая типичных обитателей нильской долины: крокодилов, лягушек и т.п. С другой стороны, неотъемлемой частью большинства Нильских сцен являются карлики, внешний облик которых во многом копирует образ Беса и Птах-Патэка. Соответственно, одновременное

использование статуэток Беса/Птах-Патэка и нильских обитателей в садах или виридарии, особенно при наличии поблизости нимфеума или фонтана, создавало своеобразную трехмерную модель Нильских сцен, полностью воссоздавая стереотипизированный римский образ Египта.

Харпократ

Далее, следует выделить достаточно большое количество статуэток Харпократа, который уже ко времени правления Лагидов в Египте, будучи одной из ипостасей Хора, смог занять значимое место в эллинизированном египетском пантеоне. Популярность Харпократа в Римской империи во многом была основана на широком распространении в Средиземноморье культа его матери Исиды. Иконографическая традиция сформировала образ Харпократа в виде обнаженного ребенка с локоном юности на голове и с пальцем правой руки у рта [22, с. 50]. Он ассоциировался не только с Аполлоном, но и благодаря своему юному возрасту с Дионисом, а также с сыном Афродиты Эросом. Будучи связанным с мистериями Исиды, Харпократ в частных культах выступал и в роли защитника от злых сил, помогая обрести здоровье и богатство.

Большинство статуэток Харпократа в Помпеях представляют собой мелкую пластику, за исключением скульптурных изображений из Дома Джузеппе (Иосифа) II. Установить какую бы то ни было зависимость между популярностью Харпократа и социальным (материальным) статусом владельца дома, где была сделана находка, не представляется возможным. Кроме скульптуры, в некоторых домах были обнаружены фрески с изображением Харпократа. Причем в Доме Иосифа II роспись атриума дополняет найденную скульптурную композицию. Всего образ Харпократа, кроме упомянутого Дома Иосифа II⁷, встречается в росписях четырех домов: в кубикule Дома Филокала⁸; в перистиле Дома Позолоченных Амуров⁹; в виридарии Дома Амазонок¹⁰; в кубикule Дома Парикмахера¹¹.

Таким образом, наличие значительного количества статуэток Харпократа обусловлено той заметной ролью, которую он играл в греко-римском мире. Его популярность была основана, во-первых, на близости к своей матери Исиде, чей культ занимал значимое место не только в Помпеях, но и в Римской державе в целом. Во-вторых, на его апотропеической составляющей, позволявшей использовать статуэтки (или росписи) Харпократа как обереги от зла. Даже несмотря на то, что с течением времени некоторые характерные детали его египетского образа постепенно утрачивались, а новый римский облик дополнялся другими элементами, например

рогом изобилия, иконография Харпократа сохранила отчетливые черты египетской культуры.

Исида и Исида-Фортуна

Еще одна не менее важная проблема связана с превалированием среди статуэток Иисиды образа синкретической богини Иисиды-Фортуны. В этой связи возникает сразу несколько вопросов: существовала ли для жителей Помпей (и римлян в целом) концептуальная разница между Исидой и Исидой-Фортуной и в чем заключается причина популярности именно последней богини?

Фортуна, римская богиня удачи, соответствовала греческой Тюхе, богине случая, не встречавшейся в классической мифологии и появившейся в эпоху эллинизма как сознательное противопоставление древнему представлению о неизменности судьбы [23, р. 297]. Разумеется, в различных регионах Средиземноморья Фортуна/Тюхе имела специфические черты, зависящие в основном от местных религиозных предпочтений. Отождествление Фортуны/Тюхе с Исидой, вероятнее всего, имеет египетское происхождение и связано с сакрализацией второй жены Птолемея II Арсиной II Филадельфы [24, с. 132]. Немаловажную роль в отождествлении богинь сыграло и покровительство мореплаванию со стороны Иисиды, сформировавшееся также в правление Птолемеев: необходимость постоянного преодоления неуправляемой стихии увеличивала популярность Иисиды как богини, управляющей человеческими судьбами.

По мнению Ф. Коарелли, Исида-Тюхе становится частью культа Фортуны уже к концу II в. до н.э. Проанализировав сохранившиеся надписи, он пришел к выводу, что культ Иисиды-Тюхе проник в Италию через активное взаимодействие с Делосом, оказав серьезное влияние на культ Фортуны Примигении в Пренесте [25]. С этим утверждением, однако, не согласились П. Мейбум [26, р. 209] и Ж. Шампо [27, р. 15–17], которые утверждают, что, несмотря на популярность Иисиды-Тюхе в Восточном Средиземноморье во II в. до н.э., наиболее вероятной датой появления ассоциаций между ней и Фортуной является конец I в. до н.э. Скорее всего, наделение Иисиды чертами Фортуны началось во времена Юлия Цезаря, а затем, после завоевания Египта Октавианом, процесс вовлечения египетской тематики в римскую культурно-бытовую и религиозную среду значительно ускорился [28, с. 60], что подтверждается, к примеру, фресками из кубикеры Дома Ливии Друзиллы на Палатине, датированными 25–15 гг. до н.э. [29, р. 511]. Таким образом, уже к середине I в. н.э. отождествление Иисиды-Тюхе с

Фортуной стало весьма распространенным явлением, о чем свидетельствует большое количество находок статуэток Иисиды-Фортуны в Помпеях.

При этом в храме Иисиды в Помпеях было обнаружено только одно единственное граффито с упоминанием Иисиды-Тюхе, которое к тому же было выполнено на греческом языке [25, р. 119; 10, р. 79–81]. В то же время в храме не было найдено более никаких изображений или надписей, позволяющих ассоциировать Иисиду с Фортуной¹². Само сочетание имени синкретической богини Исида-Фортуна не встречается в Помпеях ни разу, что указывает на современный и во многом искусственный характер такого обозначения.

Возвращаясь к вопросу о различиях между Исидой и Исидой-Фортуной, обратимся в первую очередь к иконографической составляющей. Образ Иисиды-Фортуны представлял собой смешение атрибутов каждой из богинь. В правой руке она держит корабельный руль, подчеркивающий ее власть над человеческой жизнью, а в левой руке – рог изобилия, символизирующий богатство и процветание. В помпейских статуэтках на голове богини мы видим корону, состоящую из небольшого солнечного диска, увенчанного двумя маховыми перьями и рогами у основания. Коннотации с традиционным для Египта культом бога солнца в данном случае очевидны, что же касается перьев, то они являются символом истины, справедливости и миропорядка и имеют непосредственное отношение к древнеегипетской богине Маат, культ которой в эллинистическое время практически слился воедино с культом Иисиды. Следовательно, корона Иисиды-Фортуны сочетает в себе целый ряд символов, ассоциирующихся скорее с египетской культурой в целом, чем конкретно с Исидой. В отличие от традиционных эллинистических статуэток Иисиды, стоящих с выдвинутой вперед ногой, Исида-Фортуна изображается фронтально. Кроме того, на тунике у последней отсутствует завязанный на груди особый узел (т.н. «узел Иисиды»), а также характерный для египетской богини музыкальный инструмент – систр¹³.

Таким образом, учитывая вышесказанное, изначально поставленный вопрос требует уточнения: воспринималась ли римлянами богиня с иконографическим образом, который мы традиционно относим к Исиде-Фортуне, в первую очередь эллинистической Исидой, наделенной чертами Фортуны, или же, наоборот, римской Фортуной, с добавлением атрибутов, характерных для египетской богини?

В Помпеях были найдены 5 статуэток Фортуны и 13 статуэток Иисиды-Фортуны [30, р. 59–64]. В качестве материала для изготовления римско-

го образа Фортуны использовался мрамор, в то время как культовые объекты синкретической богини были изготовлены в основном из бронзы¹⁴. Как нам представляется, подобное различие в материалах не случайно: мрамор как исконно римский материал для изготовления скульптурных изображений логично было бы использовать, если бы художник хотел изготовить объект, имеющий отношение к римской религиозной практике. Тогда как использование керамики или бронзы более свойственно объектам, относящимся к Aegyptiaca Romana.

Вторым важным аргументом является количественное соотношение находок. Предельно странно было бы найти в крупном портовом городе, сохранившемся столь хорошо, как Помпеи, где на протяжении десятилетий существовал храм Исиды, всего три целые статуэтки с несинкретическим эллинистическим образом египетской богини.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что для жителей Помпей (и, вероятно, римлян в целом) концептуальные различия в образе эллинистической Исиды и синкретической Исиды-Фортуны были не столь значимыми, чтобы принципиально повлиять на их восприятие. По нашему убеждению, Исида-Фортуна не могла восприниматься иначе как Исида, но наделенная некоторыми чертами Фортуны, в особенности способностью противостоять злему року, влиять на судьбу человека и даровать безмятежную жизнь *post mortem* в загробном мире. По сути, в синкретическом образе Исиды-Фортуны египетская богиня выглядела более понятной и приемлемой для римлян. Собрав в своем визуальном образе популярные иконографические топосы египетской культуры, Исида-Фортуна получила столь значительное распространение во многом благодаря начавшемуся активному интересу, переходящему в формирование определенной моды на египетскую религию и культуру в ее римском восприятии.

Подводя итоги, следует отметить, что на примере Помпей мы видим, что интерпретация Aegyptiaca Romana должна выходить за рамки односторонней трактовки культурных традиций только Египта или Рима, однако на когнитивном уровне современный исследователь не должен в своем освещении вопроса выходить за пределы возможного понимания объектов людьми, которые их непосредственно использовали. Безусловно, следует учитывать, что значительная часть египетских и египтизированных предметов из Помпеев не сохранилась до наших дней. Что немаловажно, сами находки были сделаны не только в очень богатых домовладениях, таких как Вилла Мистерий или Дом Октавия Квартия, но и в относительно скромных жилищах (Дом Фруктовых Деревьев, Дом

Высшего Алтаря). Подобное социальное разнообразие позволяет сделать вывод об отсутствии прямой взаимосвязи между состоятельностью домовладельцев и интересом к египетской тематике. Во многих таких домах были также найдены и другие объекты, которые относятся к Aegyptiaca Romana, в частности так называемые Нильские сцены.

Характер и степень распространения религиозной Aegyptiaca Romana в Помпеях свидетельствует о том, что уже в I в. н.э. на территории Италии активно происходили процессы религиозного синтеза, следствием которых становится появление новых синкретических божеств, включающих в себя атрибуты как римских, так и египетских богов. Популярность египетских религиозных культов среди жителей Италии во много была вызвана внутренней потребностью в формировании представлений о защите отдельно взятого человека от злых сил, счастливой загробной жизни и возрождении после смерти. Именно поэтому знакомство римлян с египетскими религиозными традициями, где подобные воззрения были неотъемлемой частью картины мира, определило их дальнейшее распространение на территории Римской державы. Еще одним неоспоримым преимуществом египетских верований была их адаптированность к греческим религиозным воззрениям, произошедшая в рамках процесса эллинизации еще в правление Лагидов. Римская культура приняла эти верования в значительной степени опосредованно, через греческую традицию, что предполагало наличие уже устоявшихся сопоставлений греческих и египетских богов, упрощавших восприятие новых верований на территории Италии.

Таким образом, экспансия египетской культуры стала частью процесса культурной и цивилизационной глобализации, связанной с расширением Римской империи, в ходе которой происходила активная контаминация культурных традиций новых провинций с греко-римской культурной средой. Именно поэтому жители Помпей не только воспринимали египетские образы как топосы древней культуры обитателей долины Нила, активно используя их в качестве элементов украшения дома, но и, что не менее важно, адаптировали эти образы под свои культурные запросы, сформировав на их основе собственный египтизированный стиль.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

Примечания

1. Reg I. 18.4. АН, инв. № 11843.
2. Reg I. 10.7. АН, инв. № 5332.

3. В каталоге В. Тран Там Тиня №№149, 150, 156, найдены в Доме Вибия (Reg VII. 2.18). Еще три похожих систра с изображением Беса происходят из Рима. Подробнее см. [15, p. 61–63].

4. Reg VIII. 7.28. МН, инв. №8916.

5. В основе предположения лежит высокий уровень детализации египетской тематики росписи сакрария при низком качестве исполнения всех сцен.

6. В административных границах древнего Мемфиса находятся сразу несколько современных населенных пунктов: Мит-Рахина, Дахшур, Абусир, Абу-Гораб, Завьет-эль-Ариан.

7. Reg VIII. 2.39.

8. Reg IX. 3.15.

9. Reg VI. 16.7.

10. Reg VI. 2.14.

11. Reg VIII. 4.12.

12. В лионском Музее галло-римской цивилизации хранится датируемая, вероятнее всего, имперским периодом надпись – посвящение статуи Исиде Августе: *Isidi Aug(ustae) Q. Obellius Euangelus signum Fortunae* (инв. №202). Однако мы не знаем, имела ли эта статуя черты египетской богини или же это было традиционное изображение Фортуны.

13. Ср. №№14, 75, 155 в каталоге В. Тран Там Тиня [10].

14. Как и статуэтки эллинистической Исиды.

Список сокращений

АН – Антиквариум, Помпеи.

МН – Национальный археологический музей Неаполя.

Список литературы

- Minor E. The Use of Egyptian and Egyptianizing Material Culture in Classic Kerma Burials: Winged Sun Discs // *Les produits de luxe au Proche-Orient ancien, aux âges du Bronze et du Fer* / Ed. M. Feldman, M. Casanova. Paris: Éditions de Boccard, 2014. P. 225–234.
- Васильева О.А. Миф об Исиде и Осирисе в греко-римской и позднеантичной традиции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 22 с.
- Versluys M.J. *Aegyptiaca Romana: Nilotic Scenes and the Roman Views of Egypt*. Leiden: Brill, 2002. 509 p.
- Brandt J.R. *Sacra privata in the Roman domus Private or Public? A Study of Household Shrines in an Architectural Context at Pompeii and Ostia* // *Acta ad Archaeologiam et Artium Historiam Pertinentia*. 2010. Vol. 23. P. 57–117.
- Clarke J.R. *The houses of Roman Italy, 100 B.C.–A.D. 250: ritual, space, and decoration*. Berkeley: University of California Press, 1991. 450 p.
- Fröhlich T. *Lararien und Fassadenbilder in den Vesuvstädten: Untersuchungen zur «volkstümlichen» pompejanischen Malerei*. Mainz: P. von Zabern, 1991. 370 s.
- Giacobello F. *Larari pompeiani: iconografia e culto dei Lari in ambito domestico*. Milano: LED, 2008. 294 p.
- Kaufmann-Heinimann A. *Religion in the House // A Companion to Roman Religion* / Ed. J. Rüpke. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 188–201.
- Laforge M.O. *La religion privée à Pompéi*. Paris: De Boccard, 2009. 245 p.
- Tinh V. Tran Tam. *Essai sur le culte d'Isis à Pompéi*. Paris: De Boccard, 1964. 206 p.
- Коростовцев М.А. *Религия Древнего Египта*. СПб.: Нева, Летний сад, 2000. 464 с.
- Hornung E. *Conceptions of God in ancient Egypt: the one and the many*. Ithaca: Cornell University Press, 1996. 296 p.
- Malaise M. *La diffusion des cultes isiaques: Un problème de terminologie et de critique* // *Nile into Tiber. Egypt in the Roman World* / Ed. L. Bricault, M.J. Versluys, P.G.P. Meyboom. Leiden: Brill, 2007. P. 19–39.
- Barrett C.E. *Domesticating Empire: Egyptian Landscapes in Pompeian Gardens*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 445 p.
- Manera F., Mazza C. *Le collezioni egizie del Museo nazionale romano*. Milano: Electa, 2001. 135 p.
- Moorman E.M. *The temple of Isis at Pompei // Nile into Tiber. Egypt in the Roman World* / Ed. L. Bricault, M.J. Versluys, P.G.P. Meyboom. Leiden: Brill, 2007. P. 137–154.
- Dasen V. *Dwarfs in ancient Egypt and Greece*. Oxford: Clarendon Press, 2013. 354 p.
- Rossi M. *Vasi egizi invetriati importati in Italia (I sec. a.C., I sec. d. C.)* // *Les Mélanges de l'École française de Rome – Antiquité*. 1994. Vol. 106. №1. P. 319–351.
- Tronchin F.C. *The Sculpture of the Casa di Octavius Quartio at Pompeii // Pompeii: Art, Industry, and Infrastructure* / Ed. E. Poehler, M. Flohr, K. Cole. Oxford: Oxbow Books, 2011. P. 33–49.
- Mangone A., De Benedetto G.E., Fico D. et al. *A multianalytical study of archaeological faience from the Vesuvian area as a valid tool to investigate provenance and technological features* // *New Journal of Chemistry*. 2012. Vol. 35. P. 2860–2868.
- Di Gioia E. *La Ceramica Invetriata in Area Vesuviana*. Roma: L'Erma di Bretschneider, 2006. 142 p.
- Куватова В.З. Особенности эллинизированных египетских культов в Римской империи // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 3 (9). С. 45–55.
- Beard M., North J., Price S. *Religions of Rome*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Vol. I. 454 p.
- Зелинский А.Л. *Арсиноя Филадельфа и Птолемея Филадельфа: сакрализация и констатация инцеста* // *Исторический вестник*. 2018. Т. 26. С. 118–141.
- Coarelli F. *Iside e Fortuna a Pompei e a Palestrina* // *La Parola del Passato, Rivista di studi Classici*. 1994. Vol. 49. P. 119–129.
- Meyboom P.G.P. *The Nile Mosaic of Palestrina: Early Evidence of Egyptian Religion in Italy*. Leiden: Brill, 1995. 409 p.
- Champeaux J. *Les Fortunes italiques: de l'archaïsme à la modernité* // *Le Fortune dell'età arcaica nel Lazio ed in Italia e loro posterità. Atti del 3 Convegno di studi archeologici. Palestrina 15–16 ottobre 1994*. Palestrina: Assessorato alla cultura, 1996. P. 15–37.
- Simon E. *Die Götter der Römer*. München: Hirmer, 2000. 332 S.
- Tybout R.A. *Dwarfs in discourse: the functions of Nilotic scenes and other Roman Aegyptiaca* // *Journal of Roman Archaeology*. 2003. Vol. 16. P. 505–515.
- Miano D. *Fortuna: Deity and Concept in Archaic and Republican Italy*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 242 p.

**AEGYPTIACA ROMANA FROM POMPEII IN THE CULTURAL,
HISTORICAL AND RELIGIOUS CONTEXT OF THE EARLY ROMAN EMPIRE**

M.S. Chistalev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This paper considers several groups of objects of Aegyptiaca Romana, belonging to the most significant topoi of Egyptian culture and still causing certain controversy in world historiography, in particular, the religious Aegyptiaca from Pompeian households. According to the author, when studying Aegyptiaca Romana, one should clearly follow the approach that has developed in historiography in recent decades, implying the rejection of unconditional religious interpretation of Egyptian and egyptianizing objects and artifacts without a proper study of the context in which this subject existed. The author comes to the conclusion that the nature and extent of the spread of the religious Aegyptiaca Romana in Pompeii indicates that already in the first century AD processes of religious synthesis were actively taking place in Italy, the result of which is the appearance of new syncretic deities, including the attributes of both Roman and Egyptian gods. The popularity of Egyptian religious cults among romans was largely due to the internal need for the formation of ideas about the protection of an individual from evil forces, a decent afterlife and rebirth after death. That's why the acquaintance of the Romans with Egyptian religious traditions determined their further distribution in the territory of the Roman Empire.

Keywords: Ancient Rome, Egypt, Aegyptiaca Romana, Pompeii.

References

1. Minor E. The Use of Egyptian and Egyptianizing Material Culture in Classic Kerma Burials: Winged Sun Discs // *Les produits de luxe au Proche-Orient ancien, aux âges du Bronze et du Fer* / Ed. M. Feldman, M. Casanova. Paris: Éditions de Boccard, 2014. P. 225–234.
2. Vasilyeva O.A. The myth of Isis and Osiris in the Greco-Roman and Late Antique tradition: Abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. M., 2004. 22 p.
3. Versluys M.J. Aegyptiaca Romana: Nilotic Scenes and the Roman Views of Egypt. Leiden: Brill, 2002. 509 p.
4. Brandt J.R. Sacra privata in the Roman domus Private or Public? A Study of Household Shrines in an Architectural Context at Pompeii and Ostia // *Acta ad Archaeologiam et Artium Historiam Pertinentia*. 2010. Vol. 23. P. 57–117.
5. Clarke J.R. The houses of Roman Italy, 100 B.C.–A.D. 250: ritual, space, and decoration. Berkeley: University of California Press, 1991. 450 p.
6. Fröhlich T. Lararien und Fassadenbilder in den Vesuvstädten: Untersuchungen zur «volkstümlichen» pompejanischen Malerei. Mainz: P. von Zabern, 1991. 370 p.
7. Giacobello F. Larari pompeiani: iconografia e culto dei Lari in ambito domestico. Milano: LED, 2008. 294 p.
8. Kaufmann-Heinimann A. Religion in the House // *A Companion to Roman Religion* / Ed. J. Rüpke. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 188–201.
9. Laforge M.O. La religion privée à Pompéi. Paris: De Boccard, 2009. 245 p.
10. Tinh V. Tran Tam. Essai sur le culte d'Isis à Pompéi. Paris: De Boccard, 1964. 206 p.
11. Korostovtsev M.A. Religion of Ancient Egypt. St. Petersburg: Neva, Summer Garden, 2000. 464 p.
12. Hornung E. Conceptions of God in ancient Egypt: the one and the many. Ithaca: Cornell University Press, 1996. 296 p.
13. Malaise M. La diffusion des cultes isiaques: Un problème de terminologie et de critique // *Nile into Tiber. Egypt in the Roman World* / Ed. L. Bricault, M.J. Versluys, P.G.P. Meyboom. Leiden: Brill, 2007. P. 19–39.
14. Barrett C.E. Domesticating Empire: Egyptian Landscapes in Pompeian Gardens. Oxford: Oxford University Press, 2019. 445 p.
15. Manera F., Mazza C. Le collezioni egizie del Museo nazionale romano. Milano: Electa, 2001. 135 p.
16. Moorman E.M. The temple of Isis at Pompei // *Nile into Tiber. Egypt in the Roman World* / Ed. L. Bricault, M.J. Versluys, P.G.P. Meyboom. Leiden: Brill, 2007. P. 137–154.
17. Dasen V. Dwarfs in ancient Egypt and Greece. Oxford: Clarendon Press, 2013. 354 p.
18. Rossi M. Vasi egizi invetriati importati in Italia (I sec. a.C., I sec. d. C.) // *Les Mélanges de l'École française de Rome – Antiquité*. 1994. Vol. 106. № 1. P. 319–351.
19. Tronchin F.C. The Sculpture of the Casa di Octavius Quartio at Pompeii // *Pompeii: Art, Industry, and Infrastructure* / Ed. E. Poehler, M. Flohr, K. Cole. Oxford: Oxbow Books, 2011. P. 33–49.
20. Mangone A., De Benedetto G.E., Fico D. et al. A multianalytical study of archaeological faience from the Vesuvian area as a valid tool to investigate provenance and technological features // *New Journal of Chemistry*. 2012. Vol. 35. P. 2860–2868.
21. Di Gioia E. La Ceramica Invetriata in Area Vesuviana. Roma: L'Erma di Bretschneider, 2006. 142 p.
22. Kuvatova V.Z. Features of Hellenized Egyptian cults in the Roman Empire // *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2019. № 3 (9). P. 45–55.
23. Beard M., North J., Price S. Religions of Rome. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Vol. I. 454 p.
24. Zelinsky A.L. Arsinoe Philadelphia and Ptolemy Philadelphia: sacralization and incest statement // *Historical Bulletin*. 2018. Vol. 26. P. 118–141.
25. Coarelli F. Iside e Fortuna a Pompei e a Palestrina // *La Parola del Passato, Rivista di studi Classici*. 1994. Vol. 49. P. 119–129.
26. Meyboom P.G.P. The Nile Mosaic of Palestrina: Early Evidence of Egyptian Religion in Italy. Leiden: Brill, 1995. 409 p.

27. Champeaux J. Les Fortunes italiques: de l'archaïsme à la modernité // Le Fortune dell'età arcaica nel Lazio ed in Italia e loro posterità. Atti del 3 Convegno di studi archeologici. Palestrina 15–16 ottobre 1994. Palestrina: Assessorato alla cultura, 1996. P. 15–37.

28. Simon E. Die Götter der Römer. München: Hirmer, 2000. 332 S.

29. Tybout R.A. Dwarfs in discourse: the functions of Nilotic scenes and other Roman Aegyptiaca // Journal of Roman Archaeology. 2003. Vol. 16. P. 505–515.

30. Miano D. Fortuna: Deity and Concept in Archaic and Republican Italy. Oxford: Oxford University Press, 2018. 242 p.